

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В статье рассматривается соотношение нормативных актов РФ в сфере регулирования межнациональных отношений и социальной действительности как субъекта этого правового поля. Отмечается необходимость конкретизации содержательной стороны правовых актов, являющейся, как правило, предметом не столько юриспруденции, сколько социальной антропологии. Предлагается ряд определений, которые, по мнению автора, могут конкретизировать содержательную часть нормативных актов в области противодействия экстремизму и этнической нетерпимости.

Применение законодательства в области прав национальных меньшинств предполагает не только постоянное его совершенствование, что, надо сказать, происходит достаточно быстро, но и существенные изменения в аналитическом аппарате, используемом при рассмотрении соответствующих дел. Трудность здесь не только и не столько в собственно криминалистических аспектах проблемы, сколько в концептуальном социологическом аппарате — скорее принадлежности современной социальной антропологии, чем политической или событийной истории, в частности, в той части этой дисциплины, которая связана с изучением феномена этничности. Однако в этой области существует достаточно широкий диапазон мнений, и нормотворческие и законодательные органы часто сталкиваются с проблемой ориентации в этом море мнений, обращаясь к экспертам по «специальным познаниям». Позволю себе здесь обойтись без исторического экскурса, критического обзора наиболее часто используемых этнологических концепций и без обоснования методик, применявшихся для анализа соответствующих материалов. Стоит только отметить, что в основе как радикально националистических концепций, так и в основе «интернационалистических», активно используемых в настоящее время, лежит убежденность в том, что этнос-народ (а в советской терминологии еще и народность) являются основой социальности, самостоятельной социальной сущностью (социальной системой), а не производным от социального процесса. В националистических концепциях доминирует идея подчинения социального национальному (этническому), во благо людям, в интернационалистических наоборот — отказ от национального как социально значимого во имя социального единства, и тоже во благо. Первый вариант предполагает чистку по национальному признаку, второй — отказ от национального (этнического) самосознания как социально значимого явления, препятствующего становлению социально единого общества. Оба варианта не предполагают определения соотношения «национального» и «социального», но их полное совпадение, что в принципе невозможно. Вначале будет кратко изложена суть позиции автора в отношении «национального вопроса», а далее будет показано рабочее ее применение в прикладном (то есть в отношении к действующему законодательству) аспекте.*

Единственным инструментальным свойством того, что называется этничностью или национальной принадлежностью, является критерий осознания принадлежности к группе людей, обладающих сейчас или обладавших в прошлом едиными

* В статье использованы материалы судебных экспертиз на предмет наличия признаков разжигания межнациональной, расовой или межконфессиональной вражды и розни, оскорбления национальной чести и достоинства граждан и данные мониторингов, проведенных Группой по правам национальных меньшинств Санкт-Петербургского союза ученых, Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ и другими правозащитными организациями России. Большую часть этой информации можно получить в [1; 2; 3; 4].

культурными свойствами, т. е. некоторыми общими формами, в которых люди осуществляют или некогда осуществляли свое общественное бытие, будучи членами единой социальной общности. Эти элементы культуры настоящего или прошлого выступают для индивида в роли индикаторов потенциального или реального социального единства в настоящем или прошлом, указателей возможной социальной близости, принадлежности к социальной общности, социальному родству, что и отражается в самосознании и самоназвании. Осознание принадлежности в настоящем или прошлом к отдельной особой социальной общности на основе культурных признаков составляет основу содержания национального (этнического) самосознания. Этот же принцип работает и в отношении других групп, осознаваемых через иные культурные признаки — индикаторы принадлежности к иной культурной общности, а через это и к иной социальной общности прошлого или настоящего. В социальной антропологии такие общности называются мнимыми сообществами, т. к. осознание принадлежности к единой культуре и даже следование единым культурным нормам отнюдь не обязательно обозначает реальную принадлежность человека или группы к единой общественной системе, государству или социальной стране, не обязательно предполагает социальную или политическую солидарность всех членов такого общества. Тем не менее известно, что фактор национальной (этнической) принадлежности активно используется для усиления социальной корпоративности «своей» группы или обозначения особой корпоративности иной национальной (этнической) группы.

Причиной усиления стремления к корпоративности собственной национальной группы, как правило, выступает социальный кризис, воспринимаемый как кризис культурной системы, или же реальный кризис конкретной этнокультурной системы в условиях смены одних культурных норм другими, что, например, происходит в условиях системных общественных кризисов или интенсификации ассимиляционных тенденций, с сопутствующим осознанием носителями особой культуры утраты своей национально-культурной специфики, национальной идентичности. Естественной реакцией в этом случае может стать стремление защитить национальную или традиционную самобытность путем трансформации национальной общности (мнимого сообщества) в некоторую реальную социальную группу, социальную общность, т. к. сохранение культурных форм действительно возможно только при условии их воспроизводства в единой социальной системе. Всплеск национального сознания чаще всего происходит в период глубоких социальных потрясений. Мотивация национального самосохранения лежит в основе образования национально-культурных объединений, национальных обществ и общин в рамках многонациональной социальной среды, мегаполиса, государства. Их организация и государственная поддержка — естественный и единственный способ поддержания культурного многообразия при сохранении социальной стабильности в обществе в целом. Крайнее выражение этой же тенденции — политизация национальных различий и последующий политический национальный сепаратизм, ведущий к разрушению целостности общественной системы.

Как показывает история, попытка создания политической общности на основе национального (этнического) признака чаще всего сопровождается насилием над личностью и целыми группами, ведет к жесткому противопоставлению национальных групп как социальных субъектов, вытеснению инациональных элементов из социальной среды или к установлению правовой дискриминации носителей национальных свойств как социальных субъектов. Естественно, что вытесняются в данном случае не культурные формы сами по себе, но носители национальных культур или люди конкретных национальностей вне зависимости от того, следуют они особым национальным формам социального бытия или нет. Если культурный национализм национально-культурных общностей, как и государственная национальная (этно-

культурная) политика, направлен на поддержание национально-культурного многообразия, то политический национализм имеет прямо противоположную тенденцию — ликвидацию национально-культурного многообразия в рамках социальной общности. Это может происходить на локальном, региональном уровне, т. е. на уровне любой социальной подсистемы. Однако широко известны исторические примеры этнической и расовой дискриминации на государственном уровне вплоть до геноцида. Впрочем, то же самое может осуществляться и в масштабе такой социальной общности, как, например, отдельный производственный коллектив. Основная направленность действий будет однотипна: вытеснение инородных (инонациональных, иноэтнических, инорасовых) элементов из данной конкретной социальной среды, т. е. осуществление различных форм дискриминации по национальному или расовому признаку.

Можно указать несколько «факторов риска», способствующих усилению стремления к социальной корпоративности многочисленных «мнимых сообществ», существующих на территории современной России. Социальный и экономический кризис конца 1980-х — начала 1990-х гг. подорвал доверие к системе ценностей социалистического общества, разрушил основы «советской» идентичности и заставил людей искать защиты от реальных угроз на пути консолидации вокруг иных ценностных систем, среди которых ценности, ассоциируемые с этнокультурными признаками, заняли отнюдь не последнее место. Либеральные ценности, утверждающие приоритет прав человека, главенство закона и неприкосновенность личности и принадлежащей ей частной собственности в основном ассоциируются с «Западом» и слабо укоренены в «национальных» (этнических) культурах, естественным образом тяготеющих к ценностям «традиционного» порядка. В результате, естественное стремление людей к сплоченности перед лицом социального кризиса автоматически приводит к снижению уважения прав и свобод личности, выдвигая на первый план принадлежность (или непринадлежность) к консолидированной по этническому признаку социальной общности. Этот фактор оказал существенное влияние на характер процессов политической суверенизации бывших советских республик, в основе которых лежало стремление местных политических элит к независимости от Центра с целью усиления своей власти. Массовые нарушения прав человека в некоторых бывших союзных республиках привели к возникновению мощных миграционных потоков. Появление на территории России большого количества вынужденных мигрантов, ставших естественными конкурентами местного населения в борьбе за ресурсы и минимальную социальную защиту, еще больше усилили стремление к консолидации соответствующих «мнимых сообществ». Особенно негативную роль сыграли трагические события в районах Центральной Азии, Кавказа, война в Чечне и связанные с нею террористические акты, закрепившие в сознании огромного большинства людей образ угрозы, связанной с «выходцами с Кавказа» и Центральной Азии. Особенность перечисленных факторов заключается в том, что все они взаимосвязаны и носят долгосрочный характер, что способствует созданию атмосферы ксенофобии, являющейся «питательной средой» для размножения радикальных групп, сопротивляющихся возникновению в России гражданского общества, основанного на общественном договоре. Причем альтернативой общественному договору лидеры этих групп видят социальную структуру, в основе которой лежит принцип единства, «чистоты» — расовой, этнической, национальной, социальной...

Позиции правозащитного движения и государства по отношению к деятельности этих, разрушающих общественную стабильность групп долгое время существенно различались. Признавая общественную опасность экстремизма, государство тем не менее в той или иной степени связывало с этничностью потенциальную правосубъектность — позиция, являющаяся рудиментом советской концепции государства как семьи народов. В рамках такого этноцентрического подхода борцы за на-

циональную независимость получали легитимность, причем потенциальная опасность для целостности государства, которую несли радикальные националистические идеи, затушевывалась мифом о том, что национализм «этнический» бывает «хорошим» и «плохим». Долгое время идея общественной стабильности как «мирного сосуществования» наций - этносов, что практически выражалось в постепенном искоренении национальной самобытности, лежала в основе национальной политики российского государства.

Впрочем, и идеология правозащитного движения также не избежала влияния этноцентрического подхода. Однако потребности практической правозащитной деятельности довольно быстро выдвинули на первый план проблему обеспечения прав личности, независимо от того, к какой культурной или этнической общности эта личность принадлежит. Такой подход, естественно, подразумевал отсутствие какого-либо правового статуса у любой общности — культурной, этнической, партийной и т. д. В демократическом государстве субъектом права является гражданин государства — личность, которая вместе с гражданством приобретает весь комплекс прав, причем эти права ни в какой мере не связаны с культурными, расовыми или этническими признаками. Именно такой принцип заложен в основу Конституции Российской Федерации, с принятием которой были ликвидированы формальные противоречия между правозащитным движением и государством.

Представление о том, что подлинное национальное равноправие возникает как результат юридических гарантий прав личности, независимо от того, с какой этнической общностью личность себя отождествляет, в настоящий момент дополняется идеей мирного сосуществования представителей разных народов-этносов, которые наделены набором прав для сохранения собственной национальной идентичности. Поскольку первый подход закреплен в конституции РФ, постольку у органов охраны правопорядка и правозащитного сообщества возникает поле взаимодействия и возможности совместной деятельности в утверждении национального равноправия на пути защиты прав личности. Права личности лежат в основе и коллективных прав, таких как Законы о национально-культурной автономии, об общественных объединениях, о коренных народах и др. Особую роль в этом процессе на современном этапе развития России играет взаимодействие общественных организаций разной направленности с правоохранительными органами, призванными следить за исполнением Законов и Конституции РФ. Эти явления, которые можно обозначить как процесс становления гражданского общества и правового государства, неизбежно предполагают и прямо противоположные тенденции — сопротивление их развитию. В частности, это выражается в появлении групп, идей, концепций, ориентированных не столько на сохранение некоего «status quo», сколько на возврат к некоему «идеальному» состоянию далекого или не очень далекого прошлого, к радикальному изменению социального бытия в целях создания комфортного общественного устройства. Как и ранее в истории, в этот период перехода социальной системы в новое качество появляется то, что сейчас официально стало именоваться экстремизмом. Соответственно, возникают проблемы правовой и социальной, академической оценки этого явления, опасного для стабильности общественной системы. Мы затронем только один аспект противодействия этому явлению — экспертную его оценку, в которой неизбежно пересекается социальная антропология и юриспруденция.

В настоящее время широко осознается, что борьба с экстремизмом, в частности, экстремизмом на почве расовой, национальной и религиозной вражды и ненависти предполагают тесное взаимодействие государственных структур и общественных организаций уже в силу того, что сама практика их выявления, оценки, профилактики, пресечения в современных условиях нова как для государственных, правовых структур, так и для общественности. Даже за короткий промежуток существования новой России отношение к этому типу проблем, или преступлений, менялось как

со стороны государства, так и со стороны общества. Особое внимание к ним в настоящее время можно объяснить, в частности, тем, что нарушение прав человека в этой области, кажущееся относительно незначительным, на самом деле является сигналом того, что в социальной системе присутствует болезнь, кризис, который может при определенных обстоятельствах стремительно развиваться в общественную катастрофу. При важности реформы законодательства в этой области важна и выработка механизмов его реализации. Одним из существенных механизмов применения законодательства является использование независимой гуманитарной экспертизы, помимо общественного мониторинга и социологического анализа.

В отношении того, какой должна быть экспертиза материалов (текстовых, изобразительных), используемых в качестве инструмента формирования экстремистских установок на осуществление преступлений данного вида, в настоящее время еще остается дискуссионным. Для выработки общего отношения к экспертизе потребуются усилия как юристов, так и обществоведов. Здесь мы приведем некоторые примеры такого анализа, с целью дальнейшей корректировки общей формы экспертизы, учитывая, что правозащитники, привлекавшиеся прокуратурой или выступавшие от имени общественных организаций уже много лет в качестве экспертов, не обязаны быть, юристами по образованию, а юристы не обязаны быть специалистами в узких историко-социологических или лингвистических областях.

Конституция РФ, Российское законодательство и международные акты, ратифицированные РФ, в целом дают достаточную законодательную основу для профилактики и пресечения противоправной экстремистской деятельности и преступлений на почве национальной, расовой, социальной и конфессиональной вражды и ненависти. Тем не менее, правоприменительная практика в данной области, как это неоднократно отмечалось, часто пробуксовывает, а в ряде случаев положения законов даже применяются в отношении лиц, по существу противостоящих экстремистской деятельности, или против лиц, защищающих права человека в области национальных и гражданских прав и свобод. На это указывают и Методические рекомендации Генеральной прокуратуры (1999 г.). В данном документе достаточно четко обозначены основные признаки правонарушений на основании ненависти на национальной, расовой, конфессиональной почве и, можно добавить, социальной вражды и ненависти. Примечательной особенностью данного документа является то, что он в значительной своей части посвящен вопросам привлечения специалистов в разных областях (преимущественно обществоведов) для обоснования квалификации преступлений в этом правовом поле.

Можно говорить о том, что законодательство РФ в отношении национальной, расовой, межконфессиональной и социальной вражды и розни в некоторой степени даже может показаться избыточным, если учитывать Конституцию России — Основной закон прямого действия, УК РФ, Закон о СМИ, международные акты, ратифицированные Россией и обязательные к применению на территории России, и другие акты. Показателен в этом отношении принятый относительно недавно Федеральный Закон о противодействии экстремистской деятельности. Закон важен тем, что закрепляет в законодательстве России понятие «экстремистская деятельность».

Статья 1 данного Закона обозначена как «Основные понятия», однако, строго говоря, в ней нет собственно определения того, что это за явление — «экстремизм». Описание категории дается через перечень действий, признаваемых нашим законодательством противоправными и, эти действия (данный в Законе список) признаются Законодателем в качестве экстремистских. Экстремизм определяется по факту преступления (дан список), и сам факт преступления определяется как экстремистский, поскольку в этом списке присутствует. На основе предложенных Законодателем формулировок осуждаются противоправные действия по изменению существующего строя — захват и присвоение властных полномочий и пр., терроризм, возбуждение

межнациональной вражды и т. д. Законодатель был вправе обозначить данный список противоправных действий как экстремистские действия, и соответствующие изменения введены в целый ряд юридических документов, хотя все перечисленные противоправные действия уже представлены в действующем законодательстве. Именно в этом смысле можно говорить об относительной избыточности закона, т. к. с точки зрения социального содержания данной юридической категории, а именно этого придерживаются, как правило, общественные организации, правоприменительные органы фактически встают перед дилеммой — квалифицировать преступление в уже существующих категориях (например, национальная ненависть, терроризм) или как экстремизм? Становится очень тонкой грань, за которой любая политическая деятельность, действия в соответствии с умеренной националистической, политической или религиозной концепцией (догмой) для изменения политического или социального порядка превращается в экстремистскую. На это указывали многие общественные организации самого различного профиля. Экстремистские материалы, как это обозначает Законодатель, это только те, которые содержат прямой призыв к осуществлению экстремистской деятельности, либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления деятельности, обозначенной в перечне данного Закона. Как правило, такие прямые призывы в материалах, пропагандирующих национальную исключительность или радикальный политический национализм, установление национального неравноправия или дискриминацию по национальному или расовому признаку содержатся, достаточно редко.

В Законе отмечено, что за осуществление экстремистской деятельности субъекты Права, т. е. физические и юридические лица, организации без статуса юридического лица, граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность в установленном законодательством Российской Федерации порядке. Формы ответственности прописаны в соответствующих статьях законодательства. Тем самым ответственность за правонарушения, обозначенные в списке экстремистских действий, устанавливается не данным Законом, как обозначено в его Преамбуле, а иными и уже действующими законодательными актами. Скорее всего, правонарушение будет квалифицировано в соответствии с УК РФ не как «экстремизм», а как конкретное противоправное действие, как нарушение конкретного Закона, конкретной правовой нормы. Однако в целом сам факт появления данного Закона о противодействии экстремизму весьма важен. Он отражает озабоченность государства ростом экстремистских тенденций, и в этом смысле Закон усиливает действие уже существующего в этой области законодательства и одновременно имеет профилактическую направленность, дает государственным органам организационные основы для профилактики и противодействия экстремистской деятельности, что должно стимулировать деятельность правоохранительных органов.

Тем не менее, на основании анализа «радикально-националистических» текстов и социального мониторинга, проводимого множеством общественных организаций России на предмет выявления радикально-националистических тенденций, следует обратить внимание на свойства, которые непременно лежат в основе мотивации экстремистской деятельности любого вида. Экстремизм (от латинского *extremus* — «крайний») — это свойство мировоззренческой концепции (мотивации) и деятельности по ее воплощению в жизнь, которое можно обозначить как устранение оппонентов из социальной системы противоправными действиями организаций или физических лиц в целях практической реализации собственной мировоззренческой модели. В зависимости от того, о какой сфере общественного бытия идет речь (экономика, политика, социальные отношения, общество в целом), и от основания мировоззренческой модели (религия, национальность, раса) можно говорить о соответствующем виде «экстремизма» (экономическом, политическом, национальном, рели-

гиозном и пр.). Экстремизм как противоправное вытеснение, устранение оппонентов из социальной среды является неперенным качеством всех реформаторских моделей создания идеального общественного устройства (социальной среды), в которых предусматривается очищение социальной среды от социальных групп, индивидов, идей в качестве необходимого условия реализации концепции и признаваемых в данной концепции «по определению» враждебными и опасными для общества.

Вариант концепции создания идеальной социальной среды путем очистки от оппонентов лежит в основе мотивации действий, направленных на изменение именно социальной среды путем дискриминации, устрашения, подавления, подчинения, устранения из социальной среды или уничтожения оппонентов данной мировоззренческой концепции — т. е. лежит в основе мотивации действий, определяемых как «экстремистские действия». Как уже отмечалось, в зависимости от основания, или характера концепции, экстремизм может принимать форму расового, национального, конфессионального, политического и пр. экстремизма. Существенным признаком экстремистской концепции и ее противоправного применения (т. е. конкретных публичных действий в отношении индивида или группы) является свойство, которое можно обозначить как «презумпция виновности», — оно следует из основного свойства экстремизма как явления, обозначенного выше. Экстремистские индивидуальные или коллективные действия в отношении тех, кто, согласно экстремистской концепции, является оппонентами и, соответственно, противниками «правильного» устройства социальной среды, выражаются в индивидуальном или массовом физическом и психологическом терроре, разжигании ненависти социальной, национальной, региональной, конфессиональной, политической и пр. в зависимости от конкретных условий. Ненависть, террор, дискриминация в отношении «враждебных» групп предполагает тотальное негативное отношение к врагу, определение группового врага при помощи особой характеристики, как правило, из разряда культурных признаков, т. е. индикаторов социальной принадлежности, которые служат для экстремиста признаками принадлежности индивида или группы к врагам идеи и общества в его понимании. Носители данного индикатора (реального, или кажущегося таковым для самого экстремиста) являются «врагами народа по определению», на них распространяется презумпция враждебности, порочности, опасности для общества.

Экстремизм может быть определен как неперенное условие реализации идей в радикальных реформаторских типах моделей преобразования общественного устройства (идеологий), специфической характеристикой которых является невозможность их реализации в рамках существующей правовой системы (правового поля) и, тем самым, без насилия над личностью: фашизм, большевизм, нацизм, политический национализм. Преобразования во имя «нашей группы» лежат в основе мотивации террористических акций самими исполнителями, но не всегда заказчиками. Экстремистский — крайний способ, за пределами признанного возможным, т. к. легальных (нормативных) способов реализации идеи, достижения обозначенной в мировоззренческой концепции цели, не имеется. При легальном, правовом приходе к власти сторонников экстремистских концепций, как это произошло в нацистской Германии, очень скоро формируется и экстремистская правовая система, предполагающая искоренение всех альтернативных мировоззренческих концепций и вытеснение из социальной среды оппонентов или их дискриминацию. Избравшие Гитлера голосовали не за крематории и разруху страны, а за благо народа Германии.

В этой связи можно более определенно говорить и об экстремистской организации. Экстремистская организация — объединение людей, заявляющих о необходимости реализации экстремистской концепции социального устройства и осуществляющих экстремистские действия.

Определенные в Законе о противодействии экстремизму противоправные действия, будь то терроризм, насильственное изменение существующего строя или разжигание национальной вражды и розни, естественно, содержат вышеобозначенные свойства, и в этом смысле объединение их в один куст противоправных действий вполне оправдано. Представление о таких свойствах экстремизма, как «презумпция виновности», на основании мнимой или реальной принадлежности к культурной или иной группе, установка на вытеснение оппонентов из социальной среды важны при анализе текстов и идеологем на предмет содержания признаков преступлений статьи 282 УК РФ и др. Предложенное социальное понимание экстремизма как явления облегчает определение «сопутствующих» категорий. Так например, можно говорить о том, что экстремистские материалы — публично распространяемые информационные носители пропаганды экстремистской концепции и экстремистских действий.

Ключевым моментом в отношении действий, подпадающих под признаки преступлений, определяемых в Законе о противодействии экстремизму, является то, что в этих действиях правонарушения совершаются против конкретных лиц и групп, но мотивированы они неудовлетворенностью в отношении существующего общественного устройства и стремлением к его изменению противоправными методами в соответствии с усвоенной мировоззренческой моделью. Индивид, личность (жертва) в данном случае является частью более широкой общности, общественной системы, и воздействие на индивида включает в себе попытку влияния на эту более широкую общность. Иными словами, конечным объектом политического экстремизма, как и объектом действий по разжиганию национальной вражды и розни, является не лично пострадавший, а более широкая общность: регион, государство, отдельная социальная система или подсистема. В этом заключается существенное отличие вариантов экстремистской деятельности от индивидуального или группового хулиганства и иных противоправных действий. Жертва экстремистского преступления является не основным объектом преступника, а только символом более широкой группы, ее представителем. Она, как и преступник, выступает в данном контексте лишь как орудие, представитель некоторой реальной или мнимой группы. Отсутствие личного осознания, притупленность личностной ответственности перед собой и жертвой позволяет смертнику осуществить свой акт и идти на любую жестокость по отношению к жертве. Можно сказать, между преступником и жертвой нет ничего личного, оба являются как бы символическими представителями противоборствующих сторон.

Надо отметить, что российское законодательство, как и международное, ориентировано преимущественно на охрану прав личности и обеспечение стабильности государственных структур. При этом часто игнорируется, выносятся за скобки рассуждений, как трюизм, наличие основного объекта, во имя сохранения стабильности которого возникали и существуют правовые системы — структуры социальной, которая несводима ни к государственной структуре, ни к свободе действий отдельной личности. Посмотрим в этом аспекте на статью 282 УК РФ:

Статья 282. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды:

1. «Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации».

Как сказано в уже упоминавшихся выше Методических рекомендациях Генеральной прокуратуры РФ, «применительно к злоупотреблениям свободой слова и свободой массовой информации понятие «направленности действий» характеризует только смысл информации, ее содержание (например — призывы к погромам, антимусульманская, антихристианская или иная агитация), которое потенциально может

спровоцировать межнациональные или межконфессиональные конфликты, но не предусматривает фактическое наступление таких последствий».

Применительно к средствам массовой информации достаточно сложно говорить о том, предусматривают они или нет фактическое столкновение на межнациональной основе. Здесь можно констатировать стремление определить некий умысел в публикации (информации), направленный именно на разжигание конфликта. Как правило, такой умысел определить, доказать сложно. Можно возбудить внимание к проблеме, к вариантам ее решения. Но, как говорят «Методические рекомендации», «возбуждающей в смысле ст. 282 УК РФ является такая информация, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них. Подобная информация, как правило, порождает напряженность в обществе, нетерпимость к сосуществованию людей разных рас, национальностей и вероисповеданий, поскольку создает благоприятную почву для конфликтов».

Ключевой вопрос состоит в том, для чего людям нужно «разжигать» межнациональный или другой конфликт? Какую цель они могут преследовать? Что может быть предметом столкновения интересов? Без чего конфликт не имеет почвы, основы? В принципе, можно сказать, что конфликт — это столкновение интересов (экономических, социальных, политических и пр.). Иными словами, речь идет о субъективной и объективной мотивации и их аргументации. Как констатируется в Методических рекомендациях «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды», «Данное преступление совершается с прямым умыслом. Субъект осознает, что обнаружит в печати, по радио или телевидению (а также в других формах) информацию, направленную на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, и желает ее обнаружить». На самом деле, ни один субъект не признает, что он обнаружит информацию, «направленную на собственно возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Чаще всего речь идет о сохранении своей национальной, конфессиональной, расовой и иной идентичности, самобытности, исключительности перед лицом неких враждебных сил. В этой связи принципиальным становится вопрос о мотивации и умысле действий, относящихся к сфере нарушений прав в области национальных, религиозных, расовых, социальных прав личности и соответствующих групп. Несмотря на то, что квалификация умысла в соответствующих статьях УК РФ в настоящий момент отсутствует, тем не менее, в подзаконных нормативных актах этот критерий присутствует, в частности в упомянутых «Методических рекомендациях. Доказательство наличия в материалах прямого умысла на оскорбление национальной чести и достоинства, разжигание межнациональной вражды имеет крайне малую перспективу уже на том основании, что пропаганда негативного отношения к инациональной (социальной, конфессиональной, расовой и пр.) группе не является основной целью автора материалов. Цепь — мотивация, планирование, акт, результат (цель) — пропаганды необходимости изменения общественного устройства является основой мировоззренческого обоснования, мотивации движения к цели путем конкретных противоправных действий. Основным объектом воздействия, по существу, является не индивид, не отдельная группа, но общественная система, отдельное общество в целом. Однако для привлечения сторонников и выявления оппонентов необходимо определить конкретных противников радикальных перемен, т. е. обозначить чуждые, враждебные группы. В этом социальном контексте уже можно говорить о действиях, направленных на пропаганду противостояния общественных групп по национальному, социальному, религиозному или расовому

признаку. Можно предложить следующие, апробированные в течение многих лет в комплексных и комиссионных судебных экспертизах, рабочие формулировки.

Действиями, ведущими к возникновению или усилению враждебного противостояния групп населения, объединенных национальным, расовым или религиозным признаком, должны быть признаны публичные высказывания, распространение аудио-, видео- и изобразительных материалов, письменных текстов или иные публичные действия, смысловая направленность которых заключается в вытеснении лица или группы лиц из общественной среды или отдельной общественной сферы на основании принадлежности или непринадлежности, реальной или мнимой, данного лица или группы лиц к определенной национальной, расовой или религиозной группе (т. е. по национальному, расовому или религиозному признаку), а также аналогичные публичные действия, смысловая направленность которых заключается в установлении в обществе в целом или в отдельной сфере общественной деятельности дискриминации граждан по национальному, расовому или религиозному признаку.

Унижением, оскорблением национальной, расовой или религиозной чести и достоинства являются публичные высказывания, распространение аудио-, видео- и изобразительных материалов или иные публичные действия, смысловая направленность которых заключается в приписывании личности негативных и осуждаемых обществом свойств в качестве характерных, заведомо присущих кому-либо уже по самой причине принадлежности или непринадлежности, реальной или мнимой, лица или группы лиц к определенной национальной, расовой или религиозной группе. Такие действия могут выражаться в провозглашении неравноценности для общества граждан на основании их национальной, расовой или религиозной принадлежности, оперировании исключительно негативным материалом относительно лиц данной группы, публичном порицании и осуждении ценностей, уважаемых представителями этой группы. Все это характерные действия, ведущие к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды и розни, т. е. смысловая направленность их заключается в том, чтобы внушить заведомую неприязнь, недоброжелательное отношение к лицам данной группы (презумпцию виновности, опасности и порочности в отношении лиц данной группы).

Иными словами, можно сказать, что смысл противоправных общественных действий в сфере межнациональных, меконфессиональных отношений заключается во введении «презумпции виновности» на основании расового, национального или иного признака личности в качестве определителя враждебности, порочности, опасности для общественного устройства или отдельной общественной группы. Эта презумпция виновности лежит в основе мотивации как конкретных экстремистских акций, так и любых политических радикально националистических, расистских и иных экстремистских концепций (идеологем) переустройства общественного бытия.

Приведем примеры применения «презумпции виновности» по национальному признаку на основании одного из мониторингов.

«Краевая прокуратура Ставрополя закончила расследование уголовного дела, возбужденного в отношении профессора Ставропольского государственного университета, который обвиняется по ст. 282 УК в разжигании межнациональной розни. Таким образом, по этой статье привлекается ученый, к тому же достаточно известный у себя на родине. Вина заведующего кафедрой социальной философии и этнологии сводится к тому, что в своей монографии «Ставрополье: этноконфликтологический проект» он «допустил высказывания, формирующие негативный образ мигрантов неславянских этносов и пропагандирующие превосходство лиц одной национальности над другими». Ситуация усугубляется еще и тем, что профессор заранее знал, что его монография подлежит публичному распространению.

По словам самого ученого, в своем труде он пытался отразить реальную картину происходящих в крае миграционных процессов и вскрыть многочисленные про-

блемы в межнациональных отношениях. Все обвинения в свой адрес профессор считает необоснованными. Но его дело направлено в Ленинский районный суд Ставрополя» [5, с. 5].

«Во время одной из командировок на Северный Кавказ — это была РСО-Алания — нам привелось встретиться с осетином, чьи глаза были голубыми, а волосы — светлыми. На вопрос о том, как складывается его жизнь, он поведал, что уже устал от постоянных поездок в Москву по просьбе друзей, родственников, знакомых, знакомых знакомых и т. д. Почему? Потому что его в Москве милиция не останавливает на каждом шагу, не просит предъявить документы, не подозревает, не провоцирует, не задерживает. Дела в Москве делаются быстрее. Настроение и отношение к людям других национальностей не портится» (Из обсуждения на рабочем совещании Санкт-Петербургского Центра Стратегия, сентябрь 1998).

В обоих примерах фигурирует «национальный» вопрос. Без постановки вопроса об использовании «презумпции виновности» по национальному признаку в казусах, несмотря на достаточно точные рекомендации Генеральной прокуратуры относительно критериев ущемления прав по национальному признаку, разобраться довольно сложно. Что касается казуса с «голубоглазым осетином», то здесь налицо расовый принцип (по всей вероятности, на основании инструкции, выпущенной соответствующим ведомством) потенциальной презумпции виновности на основании расовых, точнее — популяционных — характеристик. «Лица кавказской национальности», как это понимают некоторые «лица некавказской национальности», могут быть потенциальными врагами российского общества. Подозрительность распространяется на всех, имеющих внешние признаки по сложившимся представлениям о принадлежности к кавказским популяциям. Здесь стимулируется недоверие к лицам с определенной наружностью у «славян» и настороженность в отношении предвзятости государственных структур по отношению к выходцам с Кавказа, «лицам неславянской наружности». Социальная мотивация вполне прозрачна, но, учитывая широкую известность данной ориентации правоохранительных органов для криминальных структур, вряд ли она увеличивает продуктивность антикриминальных акций, так как собственно криминальные структуры в своей деятельности, естественно, будут учитывать эту ориентацию.

Пример с научным работником Ставрополя, описавшим естественную реакцию населения на стремительно растущую вынужденную миграцию в регион населения с Кавказа и Центральной Азии, естественный рост конкуренции в отношении социальных, экономических и природных ресурсов и, соответственно, рост межнациональной напряженности, и обвиненным в деянии с признаками преступления по статье 282 УК РФ, указывает на неразличение объективных причин возникновения межнациональной напряженности (естественное возникновение условий межнациональной напряженности) и искусственного процесса стимулирования роста межнационального противостояния в конкретном социальном поле (разжигании межнациональной вражды). В условиях ускоренной миграции инонационального населения происходит (при условии конкуренции в отношении социальных и экономических ресурсов) неизбежное противостояние с идеей «презумпции виновности» по национальному, конфессиональному или иному дифференцирующему признаку (что и зафиксировал в своем мониторинге ученый и отразил в своих исследованиях). Определение параметров или сфер конфронтации крайне важно для административного, социального и экономического решения проблемы. Констатация роста противостояния в данном регионе, широко известная общественности, ни в коем случае не может рассматриваться как пропаганда необходимости разрешения ее в пользу какой-либо одной стороны (т. е. как разжигание межнациональной розни). Вопрос об оскорблении национальной чести и достоинства может стоять только в том случае, если создание конфликтной ситуации провозглашается как неотъемлемая черта на-

циональной культуры одной из конфликтующих сторон, т. е. как необходимое качество, условие самого ее существования. Нападки на ученого в данном случае следует рассматривать и как националистическую (или политическую) ангажированность некоторых местных кругов в регионе, и одновременно как очередное подтверждение известного факта межнациональной напряженности в Ставропольском крае, требующей профессионального внимания и административного регулирования на основе объективных исследований.

Особым вопросом, без которого невозможно объективное рассмотрение нарушений в сфере межнациональных отношений, является вопрос о социально-психологической экспертизе ситуаций и материалов (в понимании Методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ) с признаками преступлений, предусмотренных статьей 282 УК РФ. Эта тема требует наиболее пристального внимания, в частности, в отношении организации независимой и профессиональной экспертизы ситуаций, аудио-видео-материалов и СМИ. В настоящее время экспертный анализ практически целиком зависит от личного мнения или предпочтений дознавателей, следствия и судей. Учитывая, что лица, исполняющие данные функции, обладают всеми достоинствами и пороками характерными для современного российского общества, и учитывая, что дела, связанные с идеологической мотивацией с признаками экстремизма и политического национализма и сепаратизма, требуют профессиональных знаний, в настоящий момент крайне необходимо выработать положение о социально-гуманитарной экспертизе (экспертах) по делам соответствующего профиля. Без этого процессуальные мероприятия, криминалистическая экспертиза в конечном итоге замыкается на квалификации действий вне сюжетов собственно экстремистской направленности (предательство, бандитизм, хулиганство, экономические преступления и пр.).

Вопрос о происхождении расистских интенций в массовом сознании может быть признан аксиоматическим, не требующим в каждом конкретном случае углубленного теоретического экскурса и исторических сопоставлений. Но факты проявления чужденоненавистнической идеологии должны рассматриваться как каждый раз обновляющиеся вокруг того главного сюжета, который порожден спецификой исторического момента на данной территории. Эта специфика ответственна за те конкретные воплощения, которые приобретает стремление к изменению социальной ситуации в направлении благоприятствования для одних групп населения в ущерб другим группам (или слоям) населения.

Усилия специалистов должны быть направлены на предельно конкретную диагностику тех проявлений, которые мы имеем в каждом конкретном случае. Эксперты должны располагать знанием исследуемой территории во всем ее своеобразии, имея в виду максимальную конкретизацию (географическую, историческую, экономическую, демографическую, политическую) сегодняшней ситуации. Подобного рода сведения можно получить только непосредственно на местах, располагая сетью наблюдателей, собирающих первичную информацию по правилам социологического исследования.

Литература

1. <http://hro.org>
2. Материалы Ленинградской конференции по правам меньшинств. 2-4 июня 1991 г., Ленинград: Ленинградский союз ученых, 1991.
3. Правоохранительные органы и правозащитные организации в борьбе с этническими преступлениями. Механизмы взаимодействия / Под общей ред. О.Н. Коршуновой. СПб, 2003.
4. Методика расследования преступлений, совершаемых на почве национальной или расовой вражды или ненависти / Под общей ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2002.
5. Шаповалов А. Уголовно наказуемое исследование // Независимая газета № 253.